

иронии Ал. Одобеску в своем *Псеудокинегетикос* (1874)¹ объясняется рядом обстоятельств. Официальные реакционные, консервативные круги Румынии после 1848 г., буржуазно-помещичьи правительства затем, могли только враждебно относиться к русской литературе, отличающейся своим демократическим, передовым характером, разоблачительным пафосом своих реалистических произведений². Эти же консервативные, реакционные элементы, симпатии которых могли быть на стороне царского режима были недовольны самодержавной Россией, поскольку она поддержала объединение княжеств, акт к которому они относились враждебно. Вступление на престол Карла Гогенцолерна не улучшило отношения, а наоборот способствовало их ухудшению поскольку румынская внешняя политика стала ориентироваться на Пруссию и Австрию³.

Воодушевленная передовыми идеалами, русская литература должна была бы естественно привлечь внимание прогрессивных румынских кругов, в среде которых, в период 1848 г. и после этого, встречается много крупных литературных имен (Василе Александри, Николае Бэлческу, Алеку Руссо и т. д.), тем более что эта свободолюбивая молодежь не могла отождествлять творчество Пушкина или Гоголя с русским самодержавием, которое она ненавидела. Но как известно, поколение 48 г. или «пашоптисты», как их называют, провело свои молодые годы на Западе, большинство училось во Франции, которая была для них, как между прочим, и для некоторых их русских сверстников, носительницей революционных традиций. Это поколение было сформировано в духе французской культуры. В последующие годы, в особенности в период борьбы за объединение княжеств (1859) их взгляды обратились в еще большей степени на Запад, к Франции и Италии. В эти годы расширяется знакомство с французской культурой, с французской литературой, что однако же стало в дальнейшем путем и для проникновения в Румынию русской литературы.

К концу 70-ых гг. начинают появляться некоторые изменения, вначале робкие, затем более существенные, которые приводят к более интенсивному распространению русской литературы у нас в стране, к активизации со всех точек зрения отношений между русской и румынской литературами.

Можно отнести начало этого нового, третьего этапа, примерно к 1875—77 гг., или вернее к концу 70-ых гг. и завершением его следует считать конец первой мировой войны, или точнее 1917 г. Бурное, непрерывное развитие русско-румынских литературных отношений, единым потоком с однородным

¹ Прочитав Гоголя, Одобеску пишет: «Но что же я сделал, бог ты мой: Я вовсе забыл, что теперь все дозволено по принципу наивысшего и абсолютного румынского патриотизма, и, поскольку Москалей следует вообще считать врагами нашей нации людьми которые плохо к ней относятся, можно вообще не называть их имя, более того даже взять на себя обязанность коверкать их авторов, тогда когда мы соизволим их переводить, подражать им или перерабатывать их. Этим мы даже оказываем им слишком много чести.» (*Pseudokyneghetikos*, изд. II, Scrisul românesc, Craiova, стр. 56).

² Характерным является отрицательное отношение реакционной печати к румынской переработке *Ревизора* (см. нашу монографию *Opera lui Gogol în România*, E.S.P.L.A., стр. 37—38).

³ См. *Istoria României* (măcheta), изд. Academia R.P.R., глава XIII: *Politica internă și externă a României în anii 1866—1876*.